

Завгородний Алексей Михайлович

**ПОЭМА Н. В. ГОГОЛЯ "МЕРТВЫЕ ДУШИ" ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ
1840-1880-Х ГГ.**

В статье рассматриваются особенности первого этапа критико-литературоведческой рецепции поэмы Н. В. Гоголя "Мертвые души" во Франции. Представлены результаты обзора французских газет, журналов, библиографической литературы XIX века. Уточняется дата выхода первого французского перевода "Мертвых душ". Обосновываются причины вхождения поэмы во французское литературное пространство.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 26-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

стремление мировой энергии к покою – к смерти. «Багровый закон революции», по мнению Замятина, также смертелен, «но это смерть – для зачатия новой жизни» [Там же]: вспышки энергии, которые нарушают плавное течение энтропийного процесса и создают новые энергетические циклы. Истинная идея бессмертия, как полагает автор «Будущего», заключается не в вечном стагнате, но в движении, продолжении рода – продолжении жизни в жизни своих детей. Именно им, новому поколению, предстоит «сносить стены, изобретать, искать, пытаться понять, как человечеству идти вперед и как сохранять в себе главное» [2, с. 476]. Будущее всего мира, по Глуховскому, – в перерождении, энергии, а не энтропии.

Будущее в фантастике принято делить на «близкое» и «далекое». Как правило, эти образы имеют функциональные различия: тогда как близкое будущее является объектом предсказаний в дидактическом или утилитарном ключе, описание далекого будущего носят эсхатологический характер, поскольку имеют дело с конечной целью развития и предназначением человечества. В своей антиутопии Д. Глуховский рассматривает глобальное изменение в человеческой жизни, реализуя негативные коннотации, связанные с идеей человеческого бессмертия.

Особенности темпорального дискурса романа выражены в использовании автором системы временных мотивов (борьбы со временем, утраченного времени, застывшего времени), включении в композицию романа ретроспективного времени, осуществляющего связь между прошлым и будущим героя, представлении будущего как символического образа. Свойственные исследуемому жанру особенности хронотопа позволяют автору не только подчеркнуть неразрывную связь прошлого с будущим, но и сопоставить вымышленное и реальное. Подводя итог исследованию темпорального дискурса в романе Д. Глуховского, можно сделать вывод о том, что тема времени реализуется в рамках классической для антиутопии антиномии «статика/динамика».

Список литературы

1. Бахтин М. М. *Формы времени хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.
2. Глуховский Д. А. *Будущее: роман-утопия*. М.: АСТ, 2013. 476 с.
3. Замятин Е. И. *Избранные произведения: в 2-х т.* М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 527 с.
4. Ланин Б. А. *Анатомия литературной антиутопии* // *Общественные науки и современность*. М., 1993. № 5. С. 154-163.
5. Любимова А. Ф. *Жанр антиутопии в XX веке: содержательные и поэтологические аспекты*. Пермь, 2001. 162 с.
6. Смирнов А. В. *Время* // *Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. 2-е изд., испр. и допол.: в 4-х т.* М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 450-458.

SPECIFICS OF TEMPORAL DISCOURSE OF THE ANTI-UTOPIA BY D. GLUKHOVSKY “FUTURE”

Zhilinka Vladislava Vyacheslavovna
Kuban State University
v-zhilinka@mail.ru

The article examines the peculiarities of implementing the theme of time in the anti-utopian novel by D. Glukhovsky “Future”. The researcher explores a set of elements forming the specifics of novel’s temporal discourse: the choice of a special narration plane, the active use of retrospection device, representation of a concrete artistic image of future, inclusion of the system of temporal motives into the narration. The paper identifies the typical features of time theme implementation within anti-utopia genre.

Key words and phrases: D. Glukhovsky; anti-utopia chronotope; temporal discourse; motive of struggle with time; motive of lost time; motive of frozen time.

УДК 821.161.1

В статье рассматриваются особенности первого этапа критико-литературоведческой рецепции поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» во Франции. Представлены результаты обзора французских газет, журналов, библиографической литературы XIX века. Уточняется дата выхода первого французского перевода «Мертвых душ». Обосновываются причины вхождения поэмы во французское литературное пространство.

Ключевые слова и фразы: Гоголь; «Мертвые души»; литературная критика; рецепция; французский перевод.

Завгородний Алексей Михайлович

*Литературный институт имени А. М. Горького
almzav@yandex.ru*

ПОЭМА Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ 1840-1880-Х ГГ.

«Наконец “Мертвые души” вышли из печати. Алекс. Иван. Тургенев, получивший это известие из России, распространил его в Париже, и легко понять, с каким восторгом принято было оно всеми, которые отчасти ознакомились с содержанием и направлением романа» [1, с. 137]. Не приходится сомневаться, что «милый

болтун; <...> европейская кумушка» (так называет А. И. Тургенева Герцен) [3, с. 242], среди видных знакомых которого были и оставившие свой след в мировом гоголеведении Мериме и Сент-Бёв, донес эту весть, тем самым положив начало знакомству Франции с поэмой «Похождения Чичикова, или Мертвые души».

Впереди был долгий путь освоения «Мертвыми душами» иного культурного пространства, путь, на который объективные (исторические, политические, социальные) и субъективные причины (индивидуальность переводчика, конечного реципиента), а также традиционные представления французского читателя накладывали свой отпечаток.

Следует сразу отметить, что имя Гоголя так или иначе уже звучало во Франции. В феврале 1837 г. в *Revue du Nord* выходит статья Ф. В. Булгарина «О состоянии современной русской литературы» [23] (*здесь и далее перевод наш – А. З.*), в которой, отзываясь о тех, кто «может невольно оказывать губительное влияние» [Ibidem, p. 190], он замечает, что в гоголевском *Миргороде* «встречаются фразы, до которых бы сам Эдип (очевидно, должно быть Эзон – А. З.) не додумался» [Ibidem], и сожалеет, что у него нет под рукой сборника, чтобы процитировать «некоторые из этих вымученных фраз и натянутых сравнений» [Ibidem]. В 1838 г. в *Revue française et étrangère* граф Адольф де Сиркур, тоже знакомый А. И. Тургенева, публикует статью о книге Х. Кёнига и Н. А. Мельгунова «Очерки русской литературы» [29], становясь, по-видимому, первым французом, упоминающим Гоголя во французской периодике. Из статьи вытекает, что стиль Гоголя «очень прост и возможно намеренно разбавлен провинциализмами» [Ibidem, p. 318], что «монотонность и тривиальность» [Ibidem] как результат выбора персонажей исключительно из среды государственных служащих «значительно снижают достоинства его сочинений» [Ibidem]. Уже произошла и, можно сказать, знаковая встреча Сент-Бёва с Гоголем по дороге из Италии во Францию (1939 г.) [50, p. 386-387], которую французский критик не преминул отметить позднее, в своей статье, вызванной публикацией первых переводов писателя: «Тогда в разговоре он был убедителен, точен, постоянно подмечал различные проявления человеческого характера, и я смог почувствовать, что самим сочинениям его должно быть также присущи оригинальность и реализм» [51, p. 883-884].

По всей видимости, первое сообщение о «Мертвых душах» во французской прессе появилось в *L'Illustration* 19 июля 1845 г. [32, p. 330-331]. Авторы статьи, скорее всего Луи Виардо и И. С. Тургенев [10], помимо того, что собственно упоминают поэму, отмечают (как и Сент-Бёв) самобытность Гоголя, а также превозносят его комический дар, особое чувство иронии, величайшую способность создавать типы.

Одной строкой о поэме было сказано в *Le National* от 13 января 1846 г. [31] и в *L'Illustration* от 24 января 1846 г. [24, p. 334]. 10 апреля 1847 в *La Revue Indépendante* [35, p. 222] уже дается краткая характеристика «Мертвым душам». Сочинение представляется как «сатирическое изображение русской бюрократии, наполненное остроумием и иронией», при этом отдельно отмечается способность автора ухватывать суть вещей. В октябре 1847 в *Revue des Deux Mondes* [52, p. 75], в статье посвященной Пушкину, Сент-Жульен, касаясь «Мертвых душ», объясняет, в чем состоит сюжетная линия поэмы, раскрывая понятие «мертвые души».

Необходимо понимать, что все эти разрозненные заметки относились к, назовем его, допереводческому периоду и ожидать появления каких-либо обстоятельных оценок, разумеется, не приходилось. Но сам выход этих кратких сообщений свидетельствовал об интересе к творению Гоголя и, более глобально, о том, что взаимопроникновение культур набирало обороты. В этой связи ситуация с «Мертвыми душами» укладывается в вывод, сделанный Е. А. Артюх: «В отличие от рецензии Пушкина и Лермонтова, почти все авторы, участвующие в исследовании (Сиркур, <...> Виардо, <...> Сент-Жульен) начинают заниматься творчеством Гоголя еще задолго до публикации французских переводов» [21, p. 388]. При этом связующим звеном между французской периодикой и гоголевским текстом является «русское посредничество». Сиркур был женат на русской, урожденной А. С. Хлюстиной, хозяйке литературного салона в Париже, среди прочих поддерживал отношения с А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским; Виардо тесно взаимодействовал с И. С. Тургеневым; Сент-Жульен с 1831 по 1836 гг. читал лекции в Санкт-Петербургском университете, а затем до 1846 г. работал в Румянцевском музее.

Первый перевод (хотя всего лишь небольшого отрывка поэмы) появился в *Revue des Deux Mondes* в ноябре 1851 г. [45]. П. Мериме включил его в свою статью для того, чтобы «читатель смог оценить манеру письма Гоголя» [Ibidem p. 634-635]. Такой прием Мериме использовал неоднократно и, по мнению П. Траара [54, p. 210-211], успешно: «Его переводы, несмотря на недостатки, могут дать больше, чем поверхностные комментарии. Отрывок из “Цыган”, сцена из “Бориса Годунова”, стихотворения “Анчар”, “Опричник” и “Пророк” позволяют читателю судить самому. Прием неплохой» [Цит. по: 13, с. 80]. Что касается качества перевода, за который Мериме сильно досталось в Отечественных записках (июнь 1852) [18, с. 94-97], то надо понимать, что изучать русский он начал только в конце 1840-х, и, хотя за плечами уже был перевод «Пиковой дамы» Пушкина (1849), получился он не без казусов. Так, выражение «закурил трубку, затыкнулся» было переведено выражением, означающим: «закурил трубку, затыкнул на себе кушак» [43, p. 187]. Возможно, недостаточное знание русского языка, а также русской действительности наложило отпечаток и на его понимание «Мертвых душ».

Относя произведение к плутовским романам, которыми уже был пресыщен читатель, он ставил под сомнение его актуальность. По этому поводу Ю. В. Манн отмечал: «Осложнение жанра, перерастание его в другой жанр, ощущаемый Гоголем новым явлением и потому названный необычной для прозы дефиницией “поэма”, остается за пределами внимания критика (Мериме – А. З.)» [11, с. 321]. Находя сюжет «Мертвых душ» отгалкивающим, основным недостатком произведения он считал неправдоподобие, но не в самой возможности такого рода мошенничества Чичикова, а в способе его изображения. Тем не менее, он полагал,

что «Мертвые души» написаны рукой мастера, особо выделяя то, насколько детально переданы нравы и портреты героев, а также то, как ему удалось «...извлечь столько столь различных и столь забавно оттененных сцен из одного и того же положения» [Цит. по: 6, с. 9-10].

В Гоголе он видит, прежде всего, полного остроумия, на английский манер, сатирика. «Он беспощаден к злым и глупым, но у него одно лишь оружие – ирония. <...> Если он заставляет иногда смеяться читателя, то оставляет в душе его также чувство горечи и негодования, и сатиры его не отомстили обществу, а только озлобили его» [Цит. по: Там же, с. 8-9]. Чувствуется, что получение благодатных ощущений от прочтения, «счастливый» финал больше бы устроили Мериме. Гоголь, очевидно, мыслил по-другому. И в этой связи появление именно такой рецензии отчасти может найти объяснение в словах Стапфера: «Его (Мериме – А. 3.) критика очень тонка, когда он изучает писателя, имеющего с ним некоторое родство; она поверхностна и посредственна, когда он берется за то, что совершенно чуждо его образу мыслей» [53, р. 337-338]. Не совпадают они и во взгляде на экономность использования художественных средств. «Тонкий до мелочности наблюдатель» [45, р. 627] (здесь определенно есть родство между ними) Гоголь, по мнению Мериме, «часто теряется в подробностях, упуская главные линии и черты» [6, с. 9]. «Недоброжелательный тон его (Мериме – А. 3.) отзывает» [2, с. 271], как резонно замечает М. П. Алексеев, объясняя и «крепнувшей после 1848 г. враждебностью французского общественного мнения к России Николая I, недовольством его реакционной во всевропейском масштабе политикой» [Там же].

Отдельно стоит отметить стремление Мериме всюду находить заимствования. Только в этой статье он связал имя Гоголя и с английскими юмористами, и голландскими живописцами Тенирсом и Калло, и Бальзаком, Рабле, В. Скоттом, Стерном, Гофманом, Шамиссо, Шекспиром. Такое чрезмерное увлечение подобными поисками, кажется, неизбежно должно уводить от правильного понимания автора, на что обращали внимание и его соотечественники. Так, А. Лиондель писал: «Сколько я ни читал и ни перечитывал Мериме, я всегда находил его комментарии ясными и интересными, и, тем не менее, я не видел в них России <...> Он видел только, или почти только, западную грань творчества <...> писателей» [41, р. 723]. А П. Траар ему вторил: «...всегда одержимый, когда занимается Россией, воспоминаниями о Западной Европе, от которых должен был бы постараться отрешиться, он занимается сопоставлениями и злоупотребляет этим» [54, р. 212], отчего анализ зачастую получается «поверхностным, необидительным, преувеличенным, ошибочным» [Ibidem].

В июне 1852 г. *Отечественные записки* публикуют письмо видного литературоведа Филарета Шаля, адресованное *Санктпетербургским ведомостям*, в котором он подвергает жесткой критике французскую журналистику. Мы, в отличие от автора статьи в *Отечественных записках*, прямой связи между высказываниями Шаля и персоной Мериме не видим, но при желании определенную параллель провести все же можно. Так, Шаль в своем письме пишет, что французская журналистика «...служит интересам очень-немногих, <...> отрицает таланты не своего прихода <...>. Так как в этой системе все ложь, то надобно привлекать на себя внимание бесстыдною ложью и отважной клеветой и свои претензии чем-нибудь оправдывать: для этого придают огромную важность книгам, которые того не стоят; <...> хвастают познаниями, которых и не бывало: например, переводят с русского, не зная ни слова по-русски...» [18, с. 95]. В эту систему вписываются и слова переводчика с русского, Анри Делаво, говорившего (март 1854), что творчество Гоголя «плохо понято французской критикой» [33, р. 237].

Осенью 1853 г. в *Le Correspondant* выходит рецензия П. Дуэра на перевод «Ревизора» Мериме. Критик, который также являлся переводчиком с русского на французский, сравнивая комедию с «Мертвыми душами», предположил, что поэма «вряд ли может быть переведена» [34, р. 842]. О непереводе не только «Мертвых душ», но и всего Гоголя говорилось не раз. Так, Достоевский замечал, рассуждая о переводе Виардо *Русских повестей*: «...я, хоть и предчувствовал заранее, что Гоголя нельзя перевести по-французски, все-таки никак не ожидал такого исхода. <...> Гоголь исчез буквально» [8, с. 126]; «вышла просто какая-то галиматья вместо Гоголя» [Там же, с. 401]. Но Эжен Моро, видимо, думал иначе.

С 11 марта по 14 мая 1854 г. Моро публикует в *Le Mousquetaire* перевод первого тома «Мертвых душ» – первый французский перевод поэмы (второй том впервые будет издан в России только в 1855 г.). Здесь необходимо сказать, что во всех известных нам отечественных и французских литературоведческих источниках в качестве даты первого перевода фигурирует либо 1858 год (переводчик Э. Моро), либо 9 апреля 1859 (перевод Э. Шарьера). И только благодаря объявлению в *La presse littéraire* [22, р. 224] от 15 марта 1854 г. и упоминанию в статье Е. С. Некрасовой [15, с. 567] того, что Моро печатал свой перевод в *Le Mousquetaire*, удалось выйти на указанные выше даты.

Из предисловия Моро мы узнаем, что «...открывающий Франции “Мертвые души” человек не знаком» [48] читателю, но что «у него есть преимущество, состоящее в том, что он переводил их в России, то есть <...> посреди тех нравов и обычаев, которые описываются в книге» [Ibidem]. Если полностью довериться этим словам, то перевод, скорее всего, был осуществлен в 1848-1849 гг., когда Моро, проведший в общей сложности в России семь лет [22, р. 224], работал над постановкой пьесы «Пол Джонс» А. Дюма в Москве [47]. Интересен отзыв М. Л. Михайлова на этот перевод, после выхода его уже в виде книги. Поэт и переводчик, отмечая абсолютную «русскость» поэмы, ее необычайную оригинальность, не мог даже допустить мысли, чтобы первый перевод мог получиться сколько-нибудь лучше; он обращал внимание, что Моро успешнее справлялся с теми местами, где мы слышим голос автора, а не речи героев, ведь «типичность языка Чичиковых, Ноздревых и Собакевичей почти непереводаема» [14, с. 226]. Любопытны и предположения Михайлова

относительно такой же незавидной, с его точки зрения, участи «Мертвых душ», какой удостоились переводы Виардо нескольких повестей Гоголя. Обосновывает он это тем, что «в них нет именно того, чего требует от романа французский читатель – завязки и развязки» [Там же], поясняя, что авантюра Чичикова, так живо сразу воспринимаемая носителями русских нравов и обычаев, оставляет равнодушными французских читателей, не знакомых с российской действительностью.

Как и Мериме, Моро обращает внимание на сходство Гоголя с французскими писателями, но в его сопоставлении автор «Мертвых душ» и Мольер с Бальзаком и Стерном равновелики. Так, например, в предисловии он утверждает, что поэма «определенно могла бы быть написана Бальзаком или Стерном, будь они русскими...» [48]. Отличие Моро от Мериме прослеживается и в их взгляде на жанровую принадлежность произведения. «Если вы воспринимаете “Мертвые души” только как плутовской роман, больше ничего не говорите; не судите Гоголя, вы его поняли только наполовину» [Ibidem]; переводчик находит в произведении также «глубокое чувство любви к людям, к своей стране; карающую руку, обливающееся кровью сердце» [Ibidem].

В названии «Мертвых душ» Моро, как ранее Сент-Жульен и Мериме, видит лишь прямой смысл: «умершие помещицы крепостные» [Ibidem]. Мыслью, что «если бы Гоголь хотел подчеркнуть только единственное, конкретное значение, то он скорее всего взял бы выражение “ревизская душа”» [12, с. 82], пока никто не задавался.

Любопытный след в истории отношений «Мертвых душ» и французской рецепции оставила вышедшая в *Au bord de la Néva* (1856 г.) статья Ксавье Мармье «Николай Гоголь» [42, р. 211-214]. Из нее мы узнаем, что писатель, переводчик гоголевской «Шинели» был одним из первых французов, соприкоснувшихся с поэмой, но, судя по толкованию «мертвых душ», соприкоснувшихся лишь слегка. Мармье писал: «В 1842 году после блестящего успеха его последних повестей и “Мертвых душ”, мы видели Гоголя в Петербурге, появлявшегося подобно одной из своих мертвых душ в кружке преданных друзей, безучастно слушающего всё то, что говорилось вокруг него, и отвечающего лишь холодной улыбкой на те искренние похвалы, которые рстались его произведениям...» [Цит. по: 2, с. 272]. И хотя мы не можем полностью согласиться с М. П. Алексеевым в том, что этим пассажем Мармье «роковым образом выдает его незнакомство с “Мертвыми душами”» [Там же], но полагаем, что употребление многозначного образа «мертвых душ» в таком контексте не позволяет органично воспринять смысл всего высказывания, что, конечно же, заставляет усомниться в его знании произведения. Говоря о Гоголе, Мармье, как и многие до него, проводит параллели. Надо сказать, что данный прием – сравнение нового с тем, что уже известно – безусловно, помогает в понимании этого нового, но может и ограничивать при оценке его оригинальности. В произведениях Гоголя он порой встречает то, что ему напоминает «образы на картинах Тенирса, детали скрупулезного анализа Бальзака, фантастические мечтания Гофмана, у которого иногда, так же как у Диккенса, под покровом причудливого юмора просматривается горькая грусть» [42, р. 211]. Но при этом он все же способен узреть, что Гоголь «прежде всего русский, по преимуществу русский» [Ibidem].

1 ноября 1856 г. в *Le Siècle* в статье «Интеллектуальная Россия: Гоголь и Тардиф де Мело» публицист и литературовед, Леон Пле, имея в виду, как мы полагаем, и «Мертвые души», писал, что русский автор видится ему скорее скептиком, чем шутником. Он им часто восхищается, но редко, когда Гоголь его действительно захватывает. Пле считает, что герои Гоголя постоянно чем-то угнетены и поэтому не могут возвыситься до истинно поэтического. Это что-то, по мнению публициста, – это чувство несвободы, ощущение беспредельного рабства и человеческой слабости. Оттого-то герои Гоголя, отмечает Пле, «не парят в пространстве, они не открывают нам ни райские, ни адские врата» [49]. Как видим, трагизм Гоголя не близок автору и, тем не менее, он читает (прочитал не одно его произведение) и пытается анализировать его.

В 1857 г. имя Гоголя появляется во французской библиографической литературе. В библиографическом словаре *Michaud*, в статье Кале, посвященной Гоголю, находим, что в «Мертвых душах» «как в других произведениях нет живого действия; <...> оно неправдоподобно, оно монотонно; но Гоголь компенсирует эту монотонность бесконечным разнообразием деталей вкупе с несравненной правдивостью» [25, р. 86]. В начале статьи автор отмечал, что ему при написании не хватало материала, и он обращался к одному из английских журналов, и к тому, что писали Виардо и Мериме. Поэтому, когда Кале пишет о «неправдоподобии», рассуждает о «действии», поневоле вспоминаются схожие мысли Мериме, «бывшего, очевидно, основным источником его сведений» [2, с. 273]. Отсюда, полагаем, что при оценке его отзыва необходимо иметь в виду его некоторую несамостоятельность.

В другом справочном издании *Nouvelle biographie générale* Августин Галицын (sic!) в статье о Гоголе говорит, что из-за специфики сюжета «Мертвые души» «вряд ли смогут быть оценены во Франции» [37, р. 74]. Он полагает, что «целью автора, заслуживающего всяческих похвал, было покончить с крепостным правом оружием смеха» [Ibidem]. Еще одна из записей, относящихся к поэме, гласила, что «Мертвые души» были неумело переведены на английский в 1854 г. и вышли под заглавием «Домашняя жизнь в России». Это упоминание позволило в свое время М. П. Алексееву сделать вывод, что Галицын, сообщая читателям о поэме, только и мог указать на английский перевод «Мертвых душ», характеризуя его как «плагиат и бессовестную переделку» [2, с. 273]. Мы же полагаем, что здесь имеет место просто незнание Галицыным о существовании немецкого перевода Филиппа Лебенштейна 1846 (1844) года [16, с. 113] и упомянутого выше французского перевода Эжена Моро 1854 года.

9 апреля 1859 г. выходит второй перевод «Мертвых душ». Переводчик Эрнест Шаррьер имел отношение и к литературному творчеству¹, и к переводческой деятельности². Русский язык он выучил в России, куда приехал в 1820 г. [17, с. 386, 560; 20, с. 190] и где «провел около 10 лет» [20, с. 190]. Работал у Соллогубов, но как пишет автор «Тарангаса»: «Шаррьер оставался, впрочем, недолго у нас гувернером» [17, с. 563]. За перевод «Записок охотника» Тургенева он удостоился лестного отзыва Мериме, к которому решается обратиться и за рецензией перевода «Мертвых душ». Однако ответ был неожиданным. Не соглашаясь с системой перевода Шаррьерера, ссылаясь на свое ужасное знание русского языка и России, но, тем не менее, упоминая, что ему доводилось переводить Гоголя, который в этот раз кажется ему «подражателем Бальзака с явной склонностью ко всему постыдному» [44, р. 329], Мериме отказывает французскому переводчику. Мы уже отмечали, что Гоголь был не близок Мериме, но здесь это чувство не близости перемешано с некоторым лукавством. Третий переводчик «Мертвых душ», Монго, позднее почувствовал в таком ответе не просто нежелание писать рецензию, а определенную «...досаду, которую без сомнения испытывал критик, поскольку должен был убедиться, что он и не понял Гоголя как следует, и неправильно представлял его читателям» [46, р. LXXXIV]. Что же касается системы перевода Шаррьерера, которую критиковал Мериме, то она заключалась в вольном обращении с оригиналом. Необходимость такого обращения обосновывалась особенностями русской литературы, которая, с одной стороны, благодаря заимствованиям получила в свой арсенал все существующие литературные приемы, но с другой, из-за заимствованного характера приемов, распоряжалась ими очень поверхностно. Оттого «...ее картины, передаваемые по-французски, ввиду отсутствия выразительных средств, дающих в русском языке им некоторую смысловую наполненность, оказались бы французам едва понятными» [26, р. V]. Отсюда, делает вывод Шаррьер, возникает потребность в определенной свободе обращения с русским текстом: «она (свобода – А. З.) состоит в том, чтобы рельефнее выделять неясные контуры первоначальной идеи, сообщать ей импульс, оживлять ее, придавать большую яркость слишком мягкой манере изложения, из-за которой образ или мысль ускользает в пустоту» [Ibidem]. Такой подход к переводу выразился и в передаче на французский язык структуры «Мертвых душ». Стараясь приблизиться к произведению, имеющему традиционные черты, свойственные жанру поэмы, Шаррьер разбивает оба тома «Мертвых душ» на двадцать песен. Каждую песню он озаглавливает, причем названия песен иногда могут вызвать легкое недоумение, например: «Le fou et le sage dans les steppes» (Сумасшедший и мудрец в степях). Шаррьер стремится придать поэме законченность, что является косвенным подтверждением слов М. Л. Михайлова о том, что французский читатель требует от романа развязки [14, с. 226]. Для этой цели он прибегает к продолжению «Мертвых душ», изданному в Киеве в 1857 г. неким Ващенко-Захарченко, и последние сто пятьдесят страниц его перевода представляют собой не что иное, как «нагромождение предположений» [39, р. 162]. Н. Г. Чернышевский так кратко охарактеризовал полет фантазии Ващенко-Захарченко: «Смысла в книге нет ни малейшего <...> Чичиков, освободившись из острога, куда его посадили неизвестно зачем и по какому делу, едет навестить родственников генерала Бетрищева, продает свои мертвые души на вывод какому-то скупцу Медяникову, получает за них 60 000 р. серебром, женится на богатой помещице и умирает, поглупев от старости» [19, с. 483]. В итоге все же получается какая-никакая, а развязка. Но основная цель, которую преследовал Шаррьер, была, по мнению французского критика, писателя и переводчика Леона де Вайи, политическая. Определяя Шаррьерера в первую очередь как историка и публициста, он заверяет, что «никогда бы он (Шаррьер – А. З.) ни взялся за перо ради малозначительного дела» [56, р. 70]. «Когда человек может заявить о себе, что его “великие труды” “взволновали” французскую прессу, что он со своей стороны “восстановил” во Франции традиции, которые “отмечают движение ее политики” в вопросах угнетения народов, поверите ли вы, <...> что этот человек будет тратить свое время на то, чтобы переводить для вас романы, <...> для того чтобы познакомить вас с литературой и нравами чужой для вас страны? <...> он неизбежно должен преследовать совершенно противоположные цели, политические цели?» [Цит. по: 2, с. 276]. Подтверждением этой мысли могут быть слова самого Шаррьерера: «Ценность литературных произведений в нашем восприятии зависит только от того, насколько они достигают самой актуальной утилитарной цели, насколько они отвечают требованию текущего момента» [26, р. VI]. В случае с рассматриваемым сочинением Леон де Вайи считал: «Цель, которую он (Шаррьер – А. З.) преследовал при переводе “Мертвых душ” Гоголя <...> заключалась в сильной помощи русскому императору в деле отмены крепостного права» [56, р. 70]. После всего этого, а также схожих рассуждений французского критика в отношении перевода «Записок охотника» Тургенева, можно объяснить и доминирование целесообразности у Шаррьерера, и связанную с этим слишком свободную манеру обращения с оригиналом.

Здесь необходимо также сказать про отношение Шаррьерера к «действию» в поэме, созвучное с тем, о чем ранее говорили Мериме и Кале: «Это произведение есть, несомненно, лишь последовательность сцен, где действия меньше, чем в других сочинениях» [26, р. XIV] подобного жанра. По мнению Шаррьерера, «связка, которая объединяет разные части в единое целое, во всяком случае, имеет исключительный, местный колорит, который можно найти только в России, в ее социальном устройстве, движущая сила которого должна приводить к кровавой (sic!) сатире» [Ibidem]. Налицо потребность в дополнительной динамике. Слова о целостности произведения уже (после Мериме и Кале) кажутся просто попыткой объяснить недовоспринимаемое.

¹ Шаррьер был автором лирической поэмы «Sainte Hélène» (1826), драмы-эпопеи «Chute de l'empire» (1836), трудов «Considérations sur l'avenir de l'Europe» (1836), «Politique de l'histoire» (1842) и др., публиковал статьи о русской жизни и литературе в «Mercure de France».

² Шаррьер был автором перевода «Description des hordes et steppes de Kirghiz» (1840) А. Левшина (при участии Ферри де Пиньи), «Записки охотника» (1854) Тургенева.

Что же касается реакции Леона де Вайи на само гоголевское сочинение, то, отдавая отчет, что «обстоятельно оценить произведения, переведенные г-ом Эрнестом Шаррьером – дело нелегкое» [56, р. 70], он характеризует его «широкими мазками». В его представлении «Мертвые души» соотносимы с венцом плутовского жанра, романом «История Жиль Бласа из Сантьяны» Алена Рене Лесажа. Он определяет гоголевское сочинение «как очень правдивую, очень острую сатиру на русские нравы» [Ibidem] и, кажется, намекает, хотя и аккуратно, на элемент подражания, который несет в себе поэма: «С такой любовью к правде, “Мертвые души” возвещают о принадлежности к менее прогрессивной литературной эпохе (здесь идет сравнение с И. С. Тургеневым – А. З.), где все еще ощущается почитание господина и где подражание – избегаемое сегодня, так как свидетельствует об отсутствии способностей – все еще рассматривается как нечто должное, как особый предмет культа» [Ibidem].

Немногим ранее рецензии Леона де Вайи вышла статья Филарета Шала в *Journal des Débats politiques et littéraires* (12 мая 1859 г.), где автор в первую очередь видит Стерна, Жан Поля, Лесажа «в этой странной книге, от которой нельзя требовать наличия сфокусированности и завершенности, четкости структуры и совершенства формы» [27, р. 3]. Ее достоинство, по его мнению, состоит в исторической значимости, «ее огромная ценность заключается в кропотливом или даже микроскопическом анализе русского народа периода между 1830 и 1840 годами» [Ibidem]. Впервые во французской критике звучит мысль, что в поэме «дело не столько в мертвых крестьянах, выдаваемых за живых, сколько в тех живых, не умеющих самостоятельно думать, действовать и любить, из-за чего они существуют только за счет других и из-за чего их души “самые мертвые”» [Ibidem]. Тезис спорный, но сами рассуждения основываются, несомненно, уже на более глубоком прочтении «Мертвых душ». Встречаем мы здесь и тему отмены крепостного права, развитую позднее Шалем в статье о рабстве, опубликованной там же 11 марта 1860 г. [28]. Говоря, что «подневольное состояние и ложь, простодушие и тщеславие, обман и воровство, все виды мошенничества и коррупции рождаются от обезличенности, которая есть следствие рабства» [Ibidem], он полагает, что «его (Гоголя – А. З.) книга, роман или поэма была не чем иным, как “протяжным свистом” против порядков азиатского общества, которое подавляет деятельность отдельного человека, не позволяет ему быть хозяином самому себе и приносит его в жертву некому надуманному единству, скорее идеальному, чем реальному, скорее абстрактному, чем истинному, скорее мистическому, чем возможному. Вот чего, вызвав аплодисменты, возражения и протесты, посмел коснуться Гоголь в России» [Ibidem]. И удивляется «терпению и умеренной реакции правительства, которое допустило или даже содействовало публикации таких вот зарисовок» [Ibidem]. Настрой против крепостничества у Шала, то ли истинный, то ли на потребу читательской аудитории (сомневаться приходится из-за наличия некоторых высокопарных восклицаний), такой силы, что чувствуется даже революционный задор: «Мы работаем, чтобы ее (угнетенную часть человечества – А. З.) освободить и еще многое нужно сделать» [Ibidem].

К роли крепостного права во французской судьбе «Мертвых душ» мы еще вернемся, а пока несколько заключительных штрихов, сделанных Шалем во второй статье.

Поэму он считает чересчур длинной, часто она кажется ему слишком затейливой, иногда слишком простой, но он полагает, что еще никогда первоначальная – хитроумная и плодотворная – идея, полностью реализованная в «Мертвых душах», не была так искусно воспроизведена со времен Жиль Бласа. По его мнению, вся поэма пропитана «неуёмной сатирой и восточной меланхолией» [Ibidem], что почти соответствует характеристике автора «Мертвых душ» как «весёлого меланхолика» [9, с. 543], высказанной, как некоторые полагают, Пушкиным именно в адрес Гоголя. Почти – это в том числе потому, что у французов в целом бытовало представление о русских как о народе меланхоличном. Об этом писал и Астольф Кюстин [30, р. 177], и Анатолий Леруа-Болье [40, р. 139]. Филарет Шаль признается, что ни слова не знает по-русски, но в этот раз находит в этом мотивирующее начало: «Ничего нет лучше невежества, когда оно признается себе в этом и хочет исцелиться; тогда оно становится активным, испытующим, неутомимым, ищет повсюду информацию и делает все возможные сравнения» [28]. По всей видимости, поэтому в его исследовании к Стерну, Жан Полю, Лесажу, сходство с кем находил Шаль, добавились еще Теккереи, Диккенс, Алеман (*Гусман де Альфараче*), анонимный автор *Ласарильо с Торреса*. Так или иначе, звучат имена Карлайла, Свифта, Вальтера Скотта, Джеффри, Бальзака, Мериме, Мюссе, Стендаля, Бёрне, Гейне.

Еще одним рецензентом перевода Шаррьерера был известный французский романист и критик Барбе Д'Оревиля, «человек прошлого, удалой реакционер» [36, р. 472]. Его статья о «Мертвых душах» в «интерпретации» Шаррьерера, вышедшая в 1859 году, представляет собой «любопытный документ литературной истории» [2, с. 266], разобраться в котором не получится без осмысления особенностей его личности.

Выросший в аристократической семье Барбе Д'Оревиля всю жизнь оставался приверженцем феодальных традиций, касалось ли это политических взглядов или литературных пристрастий. Там, где была ненависть к буржуазии, непримиримость ко всему революционному, там был Д'Оревиля. Упорное нежелание (хотя, скорее, неспособность) увидеть что-либо позитивное в новом неизбежно вело к конфликту его внутреннего «я» с современной ему действительностью. О нем можно было бы сказать, что он родился не в свое время. «Воспитанный на Шатобриане, В. Скотте и Байроне, он рьяно отстаивал романтическую поэтику и резко осуждал реализм» [Там же, с. 278-279]. Таков вкратце портрет д'Оревиля, который является одним из ключей к пониманию восприятия критика «Мертвых душ».

И уже в меньшей степени удивляешься вызывающему тону д'Оревиля: «Никогда писатель, безразлично поэт или романист, не был в большей власти действительности, чем этот Гоголь, являющийся, как говорят, создателем и основоположником русской реалистической школы, в сравнении с которой наша, – при этом

и сама по себе достаточно отталкивающая, – является лишь школой... подготовительной» [Там же, с. 257]. Шаррьер, с которым д'Оревилли во многом соглашался (например, когда, как считает М. П. Алексеев, использовал его перевод «для той же цели, которой служили все его собственные статьи – для гневного и надменного обличения мещанской пошлости и буржуазного радикализма» [Там же, с. 280]), так определял эту разницу школ: «...у нас мысль идет изнутри наружу, у русских наоборот идея возникает только после опыта чувственных ощущений» [26, р. XXX]. В подтверждение своей мысли Шаррьер обращается к самому Гоголю: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных. Угадывать человека я мог только тогда, когда мне представлялись самые мельчайшие подробности его внешности» [4, с. 446].

Приведем еще один образец непримиримости д'Оревилли, сквозившей в каждой его фразе. Так, говоря о показанной в «Мертвых душах» России он заявляет, что «это верх скучнейшей пошлости, такой необъятной и нескончаемой, что право не знаешь, читая эту книгу, кто или что несноснее: Россия ли, так изображенная, или свойства таланта ее живописателя» [2, с. 258].

Тем не менее, градус безжалостности, с которой д'Оревилли разбирается с «безжалостным реализмом» [Там же, с. 257] Гоголем, снижается, когда начинаешь понимать, что критик не обладал глубоким знанием писателя. Передавая в свойственной ему манере слова Шаррьера о том, что Гоголь «дебютировал в литературе в качестве чистейшего идеалиста» [Там же], д'Оревилли заявляет: «Мы охотно ему (Шаррьеру – А. 3.) верим. Самый свинцово-серый день мог начаться ясным утром. Но если чувство идеального и было некогда присуще этому *мертвому* идеалисту, автору “Мертвых душ”, то он погасил его в себе, как тушат светильник, и я уверен, что никто не скажет теперь, читая его книгу, что он обладал им раньше» [Там же, с. 257-258]. Принятие на веру, как следствие незнания, говорит само за себя. И последующая уверенность уже выглядит сомнительной.

Тема подражания, постоянно звучащая, как мы видели, во французских литературных кругах, у д'Оревилли получает свое продолжение. Увидел он сходство Чичикова и с байроновским Дон-Жуаном, и с Жеромом Патюро, и со Скапеном. Звучат имена Вотрена, Панурга. Перебирая героев известных мастеров пера, он приходит к выводу, что главный герой «Мертвых душ» не обладает «даром индивидуализации» [Там же, с. 260] и что Гоголь даже «...и не помышлял о том, чтобы создать характер» [Там же]. Здесь хотелось бы сначала отметить, что опасения Гоголя, высказанные в письме к Языкову, относительно понимания поэмы оправдались: «Этому сочинению (“Мертвым душам” – А. 3.) неприлично являться в переводе ни в каком случае до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в такую глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечественников», приняв за “Мертвые души” за портрет России» [5, с. 30]. Затем хотелось бы обратить внимание на саркастическое заявление д'Оревилли, что для того «чтобы быть личностью своеобразной, еще недостаточно быть вором, моющим руки французским мылом, носить сюртук рыжего цвета с искрой и сморкаться с большим шумом <...> мы, французы, слывущие самими „легковесными“ из европейцев, мы называем это поверхностным!» [2, с. 260-261]. Тем самым он как бы невольно реагирует на гоголевское высказывание о французской неполновесности: они (возможные отзывы французской критики на поэму) канут «в Лету вместе с объявлениями газетными о пилюлях и о новоизобретенной помаде красить волоса, и больше не будет о том и речи» [5, с. 30]. Время показало, что Гоголь был в чем-то прав.

После выхода первых рецензий на «Мертвые души» наступило относительное затишье, продлившееся до 1880-х годов, когда во Франции утверждается миф о «русской душе» и поднимается новая волна знакомства с Гоголем. Отчасти эта пауза объясняется тем, что «в 1860-1870-е гг. <...> Тургенев начинает затмевать Гоголя» [7, с. 137], на литературной авансцене появляются Достоевский и Толстой. Отмечался «слишком местный, “слишком сугубо русский” характер его (Гоголя – А. 3.) произведений в сравнении с романами» [Там же, с. 140] трех других художников слова. С другой стороны, Гоголь им также проигрывал, как позднее указывала Клод де Грев, в том, что его сочинениям было свойственно «отсутствие убедительной любовной интриги (похождения /sic!/ Сони и Раскольниковы, Наташи, Анны и других более способны взволновать, чем “Похождения Чичикова”» [38, р. 260]. Еще одним «слабым» местом автора «Мертвых душ» Клод де Грев, вторя Мериме, называла «отсутствие логики повествования в некоторых гоголевских произведениях» [Ibidem]. С этой мыслью соглашался и В. Горленко, но в его представлении она меркла перед общим масштабом художественного дарования Гоголя: «У Гоголя, может быть нет широкой концепции, того общего образа жизни и мира, какая чувствуется у Гете, Байрона и Пушкина. Но типы его – типы мировые по своему значению и захвату. Его комический гений равен только гению Сервантеса, превосходя глубиной проникновения и широтою полета Мольера и Теккеря» [6, с. 9].

Но это затишье могло бы затянуться и дольше и изучение мифа о «русской душе» могло бы быть оставлено следующим поколениям, если бы, мы полагаем, не определенные обстоятельства, благодаря которым «негативному отношению к тому, что составляет сущность “русского характера”» [7, с. 139] приходит на смену живой интерес к познанию русской специфики. Речь идет о последствиях франко-прусской войны 1870-1871 гг., отвержении всего немецкого и подготовки франко-русского союза.

В первую очередь этот новый период связан с именем Эжена Мельхиора де Вогюэ и его трудом «Русский роман» [55]. Его отношение к русской литературе и Гоголю в частности проникнуто искренним желанием постичь «русскую душу». Но это – тема одного из следующих исследований, которое могла бы быть предварено цитатой, демонстрирующей эту сердечную внимательность: «У нас, – говорит Вогюэ, – юморист набрасывается на жертву, осыпает ее ударами, издевается над ней, вымещает на попавшемся идиоте всю злобу свою на человеческую глупость. Гоголь, напротив, потешается над своим героем с затаенным состраданием.

Он смеется над ним, как смеются над простотой ребенка, со скрытою нежностью. Для нашего юмориста человек слабый разумом – только презренное чудовище. Для Гоголя – это несчастный брат» [Цит. по: 6, с. 17].

При оценке рецепции «Мертвых душ» Гоголя во Франции в 1840-х – 1880-х годах в первую очередь бросается в глаза разрыв между датой выхода поэмы в России и датой появления ее французских переводов, а также ряд фактов, которые, как мы полагаем, связаны с этим разрывом. Эти наблюдения подталкивают нас к выводу, что на первом этапе основной причиной продвижения рассматриваемого произведения во Франции были не его художественные достоинства, а конъюнктурные соображения, связанные с крепостным правом в России. Во-первых, на эту мысль нас наводит выход в свет в 1859 г. перевода Э. Шаррьерера, который всегда ориентировался на интересы публики в данный конкретный момент. А поскольку, как обобщил де Вайи, он хотел своей книгой содействовать отмене крепостного права в России, становится понятно, какие интересы особенно увлекали французскую общественность в этот период. Во-вторых, о том, что крепостная тематика к концу 1850-х приобретала всё большую и большую актуальность, говорят рецензии на перевод «Мертвых душ» Леона де Вайи и Филарета Шалья, в которых центральное место занимал вопрос рабства. В-третьих, факт, что в 1858 г. выходит отдельной книгой первый перевод поэмы, выполненный Э. Морои оставшийся в 1854 г. малозамеченным, может свидетельствовать о возможном желании попасть в струю, воспользоваться общественными настроениями. В-четвертых, показательным является то, что после отмены крепостного права наступил период забвения Гоголя и его главного сочинения, который длился до взрывания новых объективных условий (то, что это «забыть» было частично обусловлено переключением внимания на деятельность Тургенева, Достоевского и Толстого не меняет сути сказанного). Утилитаризм, о котором говорил Шаррьер, явно просматривался на начальном этапе восприятия французами «Мертвых душ».

Определение Гоголя как подражателя, сатирика, отца русской реалистической школы, обличителя действительности, меланхолика, знатока человеческих душ, художника узконационального (а также различные сочетания этих характеристик) – вот что чаще всего составляло основу ранних французских рецензий на «Мертвые души». И в этом отношении опыт первого французского восприятия поэмы является частным подтверждением того, что рассматриваемый период – это еще пора интерпретаций с элементами субъективной оценки, а не время литературоведческих анализов текстов.

Отнесение «Мертвых душ» преимущественно к жанру плутовского романа свидетельствовало о поверхностном прочтении поэмы, которое происходило, мы полагаем, в том числе из-за господствующего в то время представления о русском писателе как о подражателе – не хотелось допустить мысли, что эти «азиаты» могут создать что-то стоящее. Другими важными причинами были незнание русской действительности и плохое качество первых переводов, не позволявших даже при желании постичь нюансы гоголевской поэмы.

Разные мнения, оценки, комментарии... – «Мертвые души» входили во французское культурное пространство, их участие в диалоге культур приобретало все большее значение: к голосу «русской души» начинали прислушиваться.

Список литературы

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. 661 с.
2. Барбе д'Ореви́льи Ж. Николай Гоголь / примеч. М. П. Алексеева // Н. В. Гоголь: материалы и исследования: в 2-х т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. С. 257-281.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. Т. 2. 516 с.
4. Гоголь Н. В. Авторская исповедь // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 432-467.
5. Гоголь Н. В. Письмо Языкову Н. М., 8 января н. ст. 1846 г. Рим // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 13. С. 29-31.
6. Горленко В. Отблески. Заметки по словесности и искусству. СПб.: Энергия, 1906. 240 с.
7. Грев К. де. Канонизация и инструментализация Гоголя во Франции / пер. с фр. Е. Дмитриевой // Новое литературное образование. 2010. № 104. С. 134-147.
8. Достоевский Ф. М. Дневник писателя / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
9. Короленко В. Г. Трагедия великого юмориста // Н. В. Гоголь в русской критике: сб. ст. М.: Гос. издат. худож. лит., 1953. С. 536-594.
10. Ланской Л. Р. Статья о русской литературе // Литературное наследство / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1964. Т. 73. Кн. 1. С. 271-287.
11. Манн Ю. В. В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1987. 351 с.
12. Манн Ю. В. Смелость изобретения: черты художественного мира Гоголя. М.: Детская литература, 1979. 142 с.
13. Мартыанова Е. П. Об отражении русско-французских культурных связей во французском языке и литературе XIX века. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1960. 148 с.
14. Михайлов М. Л. Сочинения: в 3-х т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 3. 638 с.
15. Некрасова Е. С. Гоголь перед судом иностранной литературы, 1845-1885 гг. // Русская старина: в 175-ти т. 1887. Т. 55. Кн. 9. С. 553-570.
16. Никанорова Ю. В. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души» в немецкой рецепции: дисс. ... к. филол. н. Томск, 2007. 223 с.
17. Соллогуб В. А. Повести и воспоминания. Л.: Художественная литература, 1988. 717 с.
18. Филарет Шаль и его мнение о переводчиках с русского на французский // Отечественные записки: в 273-х т. 1852. Т. 82. Кн. VI. С. 94-118.
19. Чернышевский Н. Г. Мертвые души. Окончание поэмы Н. В. Гоголя «Похождения Чичикова» Ващенко-Захарченко // Н. В. Гоголь в русской критике: сб. ст. М.: Гос. издат. худож. лит., 1953. С. 481-487.

20. **Шаррьер** // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. XXXIX. Чугуев-Шен.
21. **Artioukh E.** La réception de la littérature russe par la presse française sous la Monarchie de juillet (1830-1848) [Электронный ресурс]: thèse de doctorat / Université de la Sorbonne nouvelle – Paris III; Institut de recherches culturelles de Moscou, 2010. 481 p. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00713050> (дата обращения: 03.06.2016).
22. **Bibliographie** // La presse littéraire. 1854. 15 mars. Т. 1. Sér. 2. P. 223-224.
23. **Boulgarine Th.** Esprit actuel de la littérature russe / trad. du russe par mad. S. Conrad // Revue du Nord. 1837. № 2. P. 181-196.
24. **Bulletin bibliographique** // L'Illustration. 1846. 24 janvier Vol. VI. № 152.
25. **Callet E.** Gogol // Biographie Universelle (Michaud). Paris: Chez Madame C. Desplaces, 1857. Т. XVII. P. 84-87.
26. **Charrière E.** Considérations sur Nicolas Gogol et la littérature russe / Les Ames Mortes par Nicolas Gogol / trad. du russe par E. Charrière. Paris: L. Hachette, 1860. Т. 1. XXXI + 346 p.
27. **Chasles Ph.** Fait divers // Journal des Débats politiques et littéraires. 1859. 12 mai.
28. **Chasles Ph.** Variétés. De quelques ouvrages nouveaux et des signes du temps // Journal des Débats politiques et littéraires. 1860. 11 mars.
29. **Circourt A.** Literarische Bilder aux Russland. Tableaux de la littérature russe, par M. König // Revue française et étrangère. 1838. Т. VI. P. 293-328.
30. **Custine A.** La Russie en 1839. Paris: Librairie d'Amyot, 1843. Т. 2. 416 p.
31. **Daurand-Forgues Paul-Émile (pseudonyme Old Nick).** Nouvelles russes de N. Gogol // Feuilleton du National. 1846. 13 janvier.
32. **De la Littérature russe contemporaine. Pouchkine.** – **Lermontov.** – **Gogol** // L'Illustration. 1845. 19 juillet. Vol. V. № 125.
33. **Delaveau H.** Preravnennye Rasskazy (Récits interrompus), par Iscander. Londres, 1854 // L'Athenæum français de la littérature, de la science et des beaux-arts. 1854. 18 mars. № 11.
34. **Douhaire P.** Mœurs administratives de la Russie // Le Correspondant. 1853. Т. 32. P. 838-861.
35. **Duprat P.** Inventaire des principales publications dans les différentes langues de l'Europe // La Revue Indépendante. 1847. Sér. 2. Vol. 8. Troisième livraison: 10 avril. P. 214-224.
36. **Ernest-Charles J.** La critique de Barbey d'Aurevilly // Revue Bleue. 1905. Sér. 5. Т. III. № 15. 15 avril. P. 472-475.
37. **Galitzin A.** Gogol // Nouvelle Biographie Générale. Paris: Firmin Didot Frères, 1857. Т. 21. P. 73-75.
38. **Grève C. de.** Avant-propos // Revue de littérature comparée. 2009/3. № 331. P. 259-263.
39. **Léger L.** Nicolas Gogol. Paris: H. Didier, 1913. 267 p.
40. **Leroy-Beaulieu A.** L'empire des tsars et les russes. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1881. Т. 1. 595 p.
41. **Lirondelle A.** Le roman russe en France à la fin du XIX siècle // Revue des Cours et Conférences. 1925. № 16. 30 juillet. P. 717-741.
42. **Marmier X.** Au bord de la Néva: Contes russes. Paris, 1856. 340 p.
43. **Mérimée P.** La Dame de Pique // Revue des Deux Mondes. 1849. Т. III. Juillet, deuxième quinzaine. P. 185-206.
44. **Mérimée P.** Lettre à Ernest Charrière, 20 avril 1859 // Revue d'Histoire littéraire de la France. 1926. № 2.
45. **Mérimée P.** Nouvelles russes. – Mertvyia douchi (les Ames mortes). – Revizor (l'Inspecteur-général) // Revue des Deux Mondes. 1851. Т. XII. Novembre, deuxième quinzaine. P. 627-650.
46. **Mongault H.** Introduction // Œuvres Complètes de Prosper Mérimée. Études de littérature russe. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1931. Т. 1. P. VII-CXLI.
47. **Moreau Eugène: biographie** // Édition des journaux d'Alexandre Dumas [Электронный ресурс]. URL: <http://alexandredumas.org/Corpus/Auteurs?ID=151> (дата обращения: 03.06.2016).
48. **Moreau E.** Les Âmes mortes par Nicolas Gogol. Du traducteur au lecteur // Le Mousquetaire. 1854. 11 mars. № 110.
49. **Plée L.** La Russie Intellectuelle: Gogol et Tardif de Melo // Le siècle. 1 novembre 1856.
50. **Sainte-Beuve C.-A.** Lettre à Augustin Galitzine, 16 mars 1857 // Correspondance générale de Sainte-Beuve: 1855-1857. Toulouse: Privat; Paris: Didier, 1960. Nouvelle série. Т. IV.
51. **Sainte-Beuve C.-A.** Nouvelles Russes, par M. Nicolas Gogol // Revue des Deux Mondes. 1845 Т. XII. Décembre, première quinzaine. P. 883-889.
52. **Saint-Julien Ch. de.** Pouchkine et le mouvement littéraire en Russie depuis quarante ans // Revue des Deux Mondes. 1847. Т. XX. Octobre, première quinzaine. P. 42-79.
53. **Stapfer P.** Etudes sur la littérature française moderne et contemporaine. Paris: G. Fischbacher, 1881. 369 p.
54. **Trahard P.** La vieillesse de P. Mérimée. Paris: Champion, 1930. 288 p.
55. **Vogüé E. M. de.** Le Roman russe. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1886. 355 p.
56. **Wailly Léon de.** Chronique littéraire. Les Âmes mortes, par Nicolas Gogol, traduit du russe par Ernest Charrière // L'Illustration. 1859. 23 juillet. Vol. XXXIV. № 856.

**N. V. GOGOL'S POEM "DEAD SOULS"
IN THE FRENCH CRITICAL RECEPTION OF THE 1840-1880S**

Zavgorodnii Aleksei Mikhailovich
Maxim Gorky Literature Institute
almzav@yandex.ru

The article deals with the peculiarities of the first phase of critical and literary reception of the poem by N. V. Gogol "Dead Souls" in France. The results of the review of the French newspapers, journals, and bibliographic literature of the XIX century are presented. The date of publication of the first French translation of "Dead Souls" is specified. The reasons of entering of the poem into the French literary space are grounded.

Key words and phrases: Gogol; "Dead Souls"; literary criticism; reception; French translation.